

Г. ТУКАЙ

ШУРА

Г. ТУКАЙ

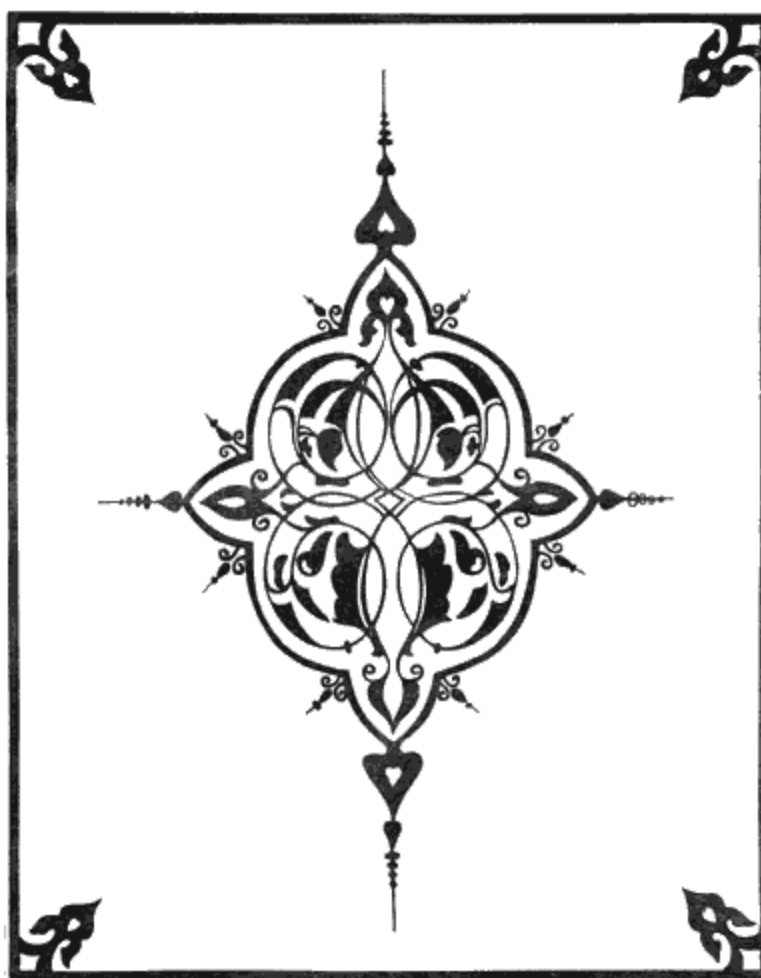

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Габдулла Тукай

ШУРАЛЕ

I

Есть аул вблизи Казани, по названию Кырлай.
Даже куры в том Кырлае петь умеют... Дивный край!

Хоть я родом не оттуда, но любовь к нему хранил,
На земле его работал — сеял, жал и боронил.

Он слывет большим аулом? Нет, напротив, невелик,
А река, народа гордость, — просто маленький родник.

Сторона эта лесная вечно в памяти жива.
Бархатистым одеялом расстилается трава.

Там ни холода, ни зноя никогда не знал народ:
В свой черед подует ветер, в свой черед и дождь пойдет.

От малины, земляники все в лесу пестрым-пестро,
Набираешь в миг единый ягод полное ведро!

Часто на траве лежал я и глядел на небеса.
Грозной ратью мне казались беспредельные леса.

Точно воины, стояли сосны, липы и дубы,
Под сосной — щавель и мята, под березою — грибы.

Сколько синих, желтых, красных там цветов переплелось,
И от них благоуханье в сладком воздухе лилось.

Улетали, прилетали и садились мотыльки,
Будто с ними в спор вступали и мирились лепестки.

Птичий щебет, звонкий лепет раздавались в тишине,
И пронзительным весельем наполняли душу мне.

Здесь и музыка, и танцы, и певцы, и циркачи,
Здесь бульвары, и театры, и борцы, и скрипачи!..

II

Летний лес изобразил я, — не воспел еще мой стих
Нашу осень, нашу зиму, и красавиц молодых,
И веселье наших празднеств, и весенний Сабан-туй...
О мой стих, воспоминаньем ты мне душу не волнуй!
Но постой, я замечтался... вот бумага на столе...
Я ведь рассказать собрался о проделках шурале!
Я сейчас начну, читатель, на меня ты не пеняй:
Всякий разум я теряю, только вспомню я Кырлай!

III

Разумеется, что в этом удивительном лесу
Встретишь волка и медведя, и коварную лису.

Здесь охотникам нередко видеть белок привелось,
То промчится серый заяц, то мелькнет рогатый лось.

Много здесь тропинок тайных и сокровищ, говорят,
Много здесь зверей ужасных и чудовищ, говорят,

Много сказок и поверий ходит по родной земле
И о джинах, и о пери, и о страшных шурале.

Правда ль это? Бесконечен, словно небо, древний лес,
И не меньше, чем на небе, может быть, в лесу чудес.

IV

Об одном из них начну я повесть краткую свою,
И — таков уж мой обычай — я стихами запою.

Как-то в ночь, когда, сияя, в облаках луна скользит,
Из аула за дровами в лес отправился джигит.

На арбе доехал быстро, сразу взялся за топор,
Тук да тук, деревья рубит, а кругом — дремучий бор.

Как бывает часто летом, ночь была свежа, влажна;
Оттого, что птицы спали, нарастала тишина.

Дровосек работой занят, знай, стучит себе, стучит,
На мгновение забылся очарованный джигит!

Чу! Какой-то крик ужасный раздается вдалеке,
И топор остановился в замахнувшейся руке.

И застыл от изумленья наш проворный дровосек.
Смотрит — и глазам не верит. Кто же это — человек?

Джин, разбойник или призрак этот скрюченный урод?
До чего он безобразен, поневоле страх берет!

Нос изогнут наподобье рыболовного крючка,
Руки, ноги — точно сучья, устрашат и смельчака!

Злобно вспыхивают очи, в черных впадинах горят.
Даже днем, не то что ночью, испугает этот взгляд!

Он похож на человека, очень тонкий и нагой,
Узкий лоб украшен рогом в палец наш величиной.

У него же в пол-аршина пальцы на руках кривых,
Десять пальцев безобразных, острых, длинных и прямых!

И, в глаза уроду глядя, что зажглись, как два огня,
Дровосек спросил отважно: «Что ты хочешь от меня?»

«Молодой джигит, не бойся, не влечет меня разбой,
Но хотя я не разбойник, — я не праведник святой.

Почему, тебя завидев, я издал веселый крик? —
Потому, что я щекоткой убивать людей привык!

Каждый палец приспособлен, чтобы злее щекотать,
Убиваю человека, заставляя хохотать!

Ну-ка, пальцами своими, братец мой, пошевели,
Поиграй со мной в щекотку и меня развесели!»

«Хорошо, я поиграю, — дровосек ему в ответ. —
Только при одном условии... ты согласен или нет?»

«Говори же, человечек, будь, пожалуйста, смелей,
Все условия приму я, но давай играть скорей!»

«Если так, меня послушай, как решишь — мне все равно.
Видишь толстое, большое и тяжелое бревно?»

Дух лесной. Овца лесная. Поработаем вдвоем.
На арбу с тобою вместе мы бревно перенесем.

Щель большую ты заметишь на другом конце бревна,
Там держи бревно покрепче, сила вся твоя нужна!»

На указанное место покосился шурале,
И, джигиту не переча, согласился шурале.

Пальцы длинные, прямые положил он в пасть бревна.
Мудрецы! Простая хитрость дровосека вам видна?

Клин, заранее заткнутый, выбивает топором,
Выбивая, выполняет ловкий замысел тайком.

Шурале не шелохнется, не пошевелит рукой,
Он стоит, не понимая умной выдумки людской.

Вот и вылетел со свистом толстый клин, исчез во мгле...
Прищепились и остались в щели пальцы шурале!

Шурале обман увидел, шурале вопит, орет,
Он зовет на помощь братьев, он зовет лесной народ.

С покаянною мольбою он джигиту говорит:
«Сжался, сжался надо мною, отпусти меня, джигит!

Ни тебя, джигит, ни сына не обижу я вовек,
Весь твой род не буду трогать никогда, о человек!

Никому не дам в обиду, хочешь, клятву принесу?
Всем скажу: «Я — друг джигита, пусть гуляет он в лесу!»

Пальцам больно! Дай мне волю, дай пожить мне на земле,
Что тебе, джигит, за прибыль от мучений шурале?»

Плачет, мечется бедняга, ноет, воеет, сам не свой,
Дровосек его не слышит, собирается домой.

«Неужели крик страдальца эту душу не смягчит?
Кто ты, кто ты, бессердечный? Как зовут тебя, джигит?
Завтра, если я до встречи с нашей братьей доживу,
На вопрос: «Кто твой обидчик?» — чье я имя назову?»
«Так и быть, скажу я, братец, это имя не забудь:
Прозван я «Вгодуминувшем»... А теперь пора мне в путь».

Шурале кричит и воеет, хочет силу показать,
Хочет вырваться из плена, дровосека наказать.

«Я умру! Лесные духи, помогите мне скорей,
Прищемил Вгодуминувшем, погубил меня злодей!»

А наутро прибежали шурале со всех сторон.
«Что с тобою? Ты рехнулся? Чем ты, дурень, огорчен?

Успокойся, помолчи-ка, нам от крика невтерпеж.
Прищемлен в году минувшем, что ты в нынешнем ревешь?»

Сказка «Шурале» татарского писателя Габдуллы Тукая (1886–1913) написана на фольклорном материале, богатом поэтическими образами. Народное творчество щедро питало вдохновение поэта на протяжении всей его короткой творческой деятельности.

В сказках Тукая много чудес и забавных историй. Водяные ведьмы населяют озера, в дремучем бору легко и привольно лесной нежити, готовящей козни неосторожному человеку. Но все его шурале, джины и прочие лесные духи не носят характера таинственной силы, омрачающей жизнь людей; скорее это наивные и доверчивые лесные существа, в столкновении с которыми человек всегда выходит победителем.

В послесловии к первому изданию «Шурале» Тукай писал:

«...надо надеяться, что и среди нас появятся талантливые художники и нарисуют изогнутый нос, длинные пальцы, голову со страшными рогами, покажут, как прищемлялись пальцы шурале, напишут картины лесов, где водились лешие...»

Семьдесят лет прошло после смерти замечательного татарского поэта, с тех пор многие художники стремились осуществить его мечту.

Долго и с увлечением работал художник Файзрахман Абдрахманович Аминов над иллюстрациями к «Шурале», стремясь выразить в них художественное богатство и национальный характер сказки.

Родившись в 1908 году недалеко от Перми, художник с детства слышал и любил сказки Тукая, которые, как и сказки А. С. Пушкина, глубоко живут в народе.

Для иллюстраций художник выделил в тексте наиболее яркие и характерные места и от листа к листу ведет зрителя по увлекательной сказке.

Вот деревня Кырлай. Знающему человеку сразу видно, что она не простая и избушки там какие-то необычные, — они словно прячутся под деревьями, а от кого? Травы на околице буйные, высокие. В такой деревне всякое может быть, да и лес рядом...

Так сразу же, с первого листа, начинается фантастический мир сказки. Все детали иллюстраций тщательно продуманы, художник упорно ищет свой творческий почерк, и в тончайшее кружево его графического языка вплетаются события волшебного повествования.

Молодой джигит под вечер едет в лес, а он словно ждет его, сырая мгла поднимается навстречу, над юношей уже протягиваются узловатые ветви-руки, но он спокойно едет и дремлет.

Лес в иллюстрациях Аминова не просто лес, а именно та непроходимая, фантастическая чаща, наделенная колдовской силой, где непременно должны водиться лешие. Деревья то принимают очертания человека, то протягивают к путнику скрюченные ветви, усиливая впечатление небывальщины.

Совершенно особое место в иллюстрациях занимают травы и цветы, таких в природе нет, они созданы фантазией художника. С какой бережностью сделан каждый цветок! Однако тщательная «сделанность» не мешает восприятию рисунка в целом. В этой

кропотливой работе автор раскрывает свою большую любовь к природе, свое личное, заветное отношение к ней.

От листа к листу нарастает напряженность событий; странный голос с дерева окликает джигита, и вот уже стоит перед ним, как древний изогнутый корень, поросший мхом, — шурале. Он сразу же заявляет, что пришел защекотать его до смерти своими страшными пальцами. Но человек перехитрил, и вот доверчивый шурале оглашает лес воплями о помощи.

Очень интересна композиция этого листа: темный силуэт шурале, вынесенный на открытое пространство, прекрасно читается и вместе с тем органически сливается с лесом. Пожалуй, именно в этом листе найденная автором графическая манера выражена наиболее полно.

И вот последний лист, в нем, безусловно, сказалась любовь художника к веселой шутке. С каким юмором изображен каждый шурале!

...Раннее утро, туман стирает очертания деревьев, но верхушки леса уже позолотило взошедшее солнце. На вопли шурале сбежался лесной народ. Старый лесовик назидательно поднял свой изогнутый палец, двое других откровенно радуются чужой беде. За «пострадавшим» — шуралиха с шуралятами, шуралята еще маленькие, всего боятся, а посмотреть так интересно! А вот озорной лесовичок: чтобы лучше видеть, он подвесился на сук, — и сколько трогательной беспомощности в этом «страшном» шурале!

Большую роль в иллюстрациях играет цвет. Решенные в технике акварели, они с большим вкусом выдержаны в легкой серебристой гамме различной тональности. Ясность композиции, красивый реалистический язык делают работы художника Аминова весьма своеобразными и интересными.

А. ИЛЬИНА

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)